

ЖИЗНИ

new hot rock

Глава II*
ФРЕД И ДЖИНДЖЕР

Около половины седьмого вечера 9 октября 1940 года, как раз когда завывали сирены воздушной тревоги, Мими Смит добралась, наконец, до Ливерпульского родильного дома. Все прошедшие сутки она непрерывно звонила туда и спрашивалась о состоянии любимой сестры. К тому времени Джулия Леннон мучилась родами уже тридцать часов, и врачи готовились к кесареву сечению.

"Я звонила постоянно, — рассказывала Мими. — Я была до крайности взвинчена. Наконец мне сказали, что родился мальчик. Я все бросила и попросту выбежала из дома.

В ту ночь был обстрел фугасами. Пока я бежала в больницу (расстояние в две мили), звавучили сирены. Но ничто не могло меня остановить — даже Гитлер! Я все время думала: "Это мальчик!" Можете себе представить, как я волновалась. Да и все мы! Рождение мальчика в семье было в новинку. Мы все этого очень хотели. В больнице я глаз не могла от него отвести. Это был такой красивый малыш! Даже сестры это заметили. Он родился со светлыми волосами и весил, помню, семь с половиной фунтов. Самый нормальный вес! Не слишком много и не слишком мало. С первого взгляда на Джона я поняла, что из него выйдет нечто необыкновенное."

Наглядеться на долгожданного младенца Мими не позволили. В палату вошла сестра в длинном белом переднике и с пышной прической, взяла ребенка из рук Джулии и в целях безопасности спрятала его под кровать. Потом она велела Мими спуститься в подвал или немедленно покинуть больницу. Вою дорожку домой Мими бежала сквозь шум воздушного налета, стремясь поскорее сообщить хорошую новость родителям. Вбжав в дом, она воскликнула: "Мама! Он очень красивый!"

Поп Стенли, отец Мими, старый морской волк, проворчал: "Он и д л ж е н быть лучше всех прочих."

Когда Джулия Леннон родила Джона, ей было двадцать семь, но вела она себя как ребенок. Смешливая, игривая, озорная, она была к тому же отъявленной кокеткой. Со своими длинными золотисто-каштановыми волосами, заплетенными в яркий венчик над головой, стройными ножками на лодочках с высоким каблучком, мелькающими под короткими юбками, и лицом театральной актрисы — широкие скулы, смелый изгиб бровей и густо накрашенные губы, — она вскружила голову не одному мужчине. Предложения выйти замуж сыпались на нее градом, зачастую от мужчин с хорошими перспективами, но никому не удавалось встать между ней и ее давним любимым другом, молодым корабельным стюардом Фредди Ленноном.

Фредди был для Джулии Фредом Астером, а она для него — Джинджер Роджерс.

Изящный и ловкий, обладавший чудесным ирландским тенором и "идеальным профилем", что признавала даже недоброжелательная Мими, Фредди стремился выделывать такие же курбеты в реальной жизни, какие его знаменитый тезка выделывал на киноэкране. Кто еще повел бы себя так, как Фредди, когда он познакомился с Джулией?

"Я сидел в Сафтон-парке с приятелем, который показывал мне, как надо снимать девочек, — рассказывал Фредди Хантеру Дэвису. — Я купил себе сигаретный мундштук и котелок. Мне казалось, это должно производить на них впечатление. Была одна маленькая девочка, на которую мы положили глаз. [Джулии и Фредди было по шестнадцать!] Когда я проходил мимо нее, она сказала: "Ты выглядишь подающим". Я и ответил: "А ты выглядишь воспитательно!" — и сел рядом. Все это было вполне невинно. Я еще был совсем неопытен. Она сказала, что если я хочу сидеть рядом с ней, то должен знать эту дурацкую шляпку. Что я и сделал. Я выбросил ее в озеро!" Этот жест воспитил Джулию, которая больше всего на свете любила плавать на всякого рода приличиях.

Шумные озорвательные свистопляски были для Фредди делом привычным, поскольку он рос, завариваясь образом отца, Джека Леннона, одного из первых британских псевдондентрических музыкантов, еще в девяностые годы гастролировавшего по Соединенным Штатам с "Кентукскими менестрелями" Эндрю Робертсона. Когда Фредди плавал на романтичных старых лайнерах тридцатых годов, он порой намазывал лицо ваксой и, опустившись на одно колено, пел "Мамочку", превосходно подражая великому Элу Джексоу. Да, сообщила Ленноны — Джек, Фредди и Джон — олицетворяли собой целое столетие английских артистов, сраженных наркотической магией негритянской музыки.

Джек Леннон умер, когда Фредди было семь лет — примерно в том же возрасте Джон лишился Фредди, а Шон — Джона. Воспитывался он в приюте "Блю Кот", главным благотворительным учреждением Ливерпуля. Фредди с гордостью носил традиционный костюм — синий фрак, пиджак с серебряными пуговицами и белыми ленточками на воротнике и шляпу с высокой тульей, но что его и в самом деле влекло — так это сцена. При первой же возможности он сбегал из приюта и поступил в "Компанию Уилла Моррея", популярную детскую труппу. Насильно привнесенный назад и наказанный школьным педагогом, он прятался под приютом, надев на себя сидеть на уроках и, сам того не желая, получил прекрасное образование. Однако всю жизнь ему не давала покоя мысль о том, что он променял свое призвание. Впервые увидев, как выступает его знаменитый сын — на детском рождественском представлении в Лондоне, — бедняга Фредди не выдержал и расплакался. Показав на сцену, он промолвил сквозь слезы: "Вот где мне следовало быть!"

Продолжение. Начало см. в NHR №7

Сцену Фредди заменило сценическое поведение. Целых десять лет он песнями и прибаутками развлекал Джулию Стенли, так и не перейдя к физической близости, потому что они разыгрывали "театральное действо", исполняя роли скорее близких друзей, нежели любовников. Он мог бы и дальше продолжать вести себя как ребенок, не сделав ему Джулия предложение. Совершить столь нетрадиционный поступок ее побудил ультиматум отца: либо заключить со своим бракованным поклонником брак, либо прекратить с ним встречаться. С помощью своей угрозы Поп Стенли рассчитывал покончить с этим нелепым романом; взамен она внушила дерзкой Джулии мысль предложить Фредди совместную жизнь — мысль, которая потрясла молодого стюарда. "Рос-то я сиротой, — объяснял он. — Я сказал, что надо пойти в церковь и пожениться как полагаются. А она: "Держу пари, ты не пойдешь!" Вот я и пошел — так, шутки ради. Вся эта свадьба была сплошной хохмой."

Подготовка к этому легкомысленному брачному союзу велась в строжайшей тайне, поскольку ни одна из семей этот брак не одобрила бы. Семейство Стенли презирало Фредди за то, что он работал официантом на судне, ведь старик Стенли был настоящим моряком, человеком, который освоил искусство управления с парусами еще до того, как владыкой морей сделала пар. Ленноны, со своей стороны, были невосकोмо мнения о Джулии, потому что считали ее ветреной маленькой кокеткой.

Когда утром 3 декабря 1938 года, в день свадьбы, Фредди прибыл к гостинице "Адельфи", у него не было ни гроша, потому что он уже несколько месяцев не работал. Войдя в расположенную на другой стороне улицы армейскую пошивочную мастерскую, где в освещенном яркими лампами подвале трудился самый платежеспособный член семьи, его старший брат Сидней, Фредди признался, что попал в переплет. Сидней сделал последнюю отчаянную попытку отговорить брата; потом он согласился выступить в свой обеденный перерыв в качестве свидетеля — вместе с другим свидетелем по имени Эдвард. Кроме того, Сидней расщедрился на фунт взаимы.

Джулия явилась в Отдел записи актов гражданского состояния на Болтон-стрит, позади гостиницы, перед самым закрытием, в сопровождении двух девушек, которые работали вместе с ней билетершами в кинотеатре "Трокадеро". Чинюник заметил обычный отрывок из Книги литургий, и парочка обменялась клятвами. В соседней закуской Сидней угостил всех обедом и напитками. Потом Джулия с Фредди отправились в кино, на чем их медовый месяц и кончился. В ту ночь, когда невеста с женихом разошлись по домам, Джулия все еще была девственницей.

Мими с горечью вспоминала, как Джулия сообщила о случившемся: "Она просто вошла и сказала: "Все! Я замужем!" Она швырнула на стол свидетельство. Все мы знали, что ничего путного из этого брака не выйдет, но ей было бесполезно что-либо говорить. По-моему, она никогда не задумывалась о последствиях. Для нее это было типично."

К тому времени, как Джулии пришла пора разрешиться от бремени, странная война превратилась в Битву за Британию. Ночь за ночью "Люфтваффе" бомбило Ливерпуль, поджигая доки и нанося огромный ущерб жилым кварталам. Когда выли сирены, Джулия с семьей уходили в бомбоубежище, сооруженное с помощью установленной над узким проходом за домом бетонной плиты.

Окруженная родственниками, души не чаявшимися в ребенке, Джулия впервые почувствовала себя покинутой, когда умерла ее мать. Потом, когда демобилизовался муж Мими, та переехала к нему. Фредди постоянно отсутствовал, находясь на переднем крае войны в качестве одного из тысяч храбрых торговых моряков, которые рисковали жизнью, прорывая блокаду немецких подводных лодок. Мими, быстро войдя в затруднительное положение сестры, предложила Джулии переехать в коттедж мужа, расположенный рядом с ее домом на Аллертон-роуд, 120 А, в пригородном поселке Вултон.

Едва Джулия покинула дом, как вся ее жизнь резко перевернулась. Она стала каждый вечер ходить на танцы в поселек, чьи пабы были битком набиты мужчинами в военной форме, пышными, поющими песни и буйствующими с типичным для военного времени безразличием. Не будучи пьяницей, она начала потихоньку пить, хотя первое время два бокала хереса вызывали у нее приступ глупого смеха. Не имея возможности нанять приходившую няню — как и просить Мими присматривать за Джоном, пока его мама шляется по кабакам, — Джулия приобрела привычку незаметно уходить, когда Джон заснет, оставляя его одного.

Избалованный ребенок, приученный находиться под неусыпным надзором, Джон просыпался в потмах и обнаруживал, что его не только оставили без присмотра, но и что дома вообще никого нет. Встревоженный, он воображал, будто у кровати стоит привидение или домовой. Громко крича от страха, он поднимал такой шум, что порой вынуждены были сбегаться соседи.

Когда Фредди вернулся из плавания, он узнал о ночных эскападах Джулии и объявил ей выговор. В отместку она вылила ему на голову чашку обжигающе горячего чая. Взебешенный Фредди отнесил Джулию оплеуху — единственный раз, когда он ее ударил, — от чего у нее пошла носом кровь. Вызвали Мими, бывшую медсестру, и та, остановив кровотоечение, строго отчитала свою заблудшую сестру за непристойное поведение.

В родительский дом на Пенни-лейн Джулия вернулась в 1943 году, когда ее отец переехал жить к своей сестре. Теперь она могла куда с большим успехом располагать своими вечерами, вместе с сестрами Долли Хиллшоу и Энн Стаут, нанять приходившую няню, которая присматривала за всеми детьми. Ничего предосудительного во время этих дружеских вечеров не происходило — до тех пор, пока Фредди Леннон не попал в беду.

ДЖОНА ЛЕННОНА

new hot rock

-1993- №8-98-9

С Сиднеем, своим двойником в семье Леннонов, Мими ничего не могла подделать, поэтому она принялась ухаживать за беременной Джулией. Поп Стенли сразу заявил Джулии, что не намерен позорить свой дом, притютив в нем внебрачного ребенка: либо исчезнет она, либо ребенок. Когда Джулия согласилась отказаться от ребенка, Мими приняла соответствующие меры. Она пошла в расположенный неподалеку от ее дома приют Армии спасения для девочек, причудливый каприз в стиле эпохи Тюдоров, смахивающий на замок великана-людоеда из сказки, под названием "Земляничная поляна" (не "поляны"). Заведующая сообщила Мими название частной лечебницы на Норт Моссли-Хилл-роуд, где Джулия могла бы родить. Когда Фредди вернулся из очередного плавания, он пришел в частную лечебницу "Элмсууд" и принялся умолять Джулию разрешить ему назвать ребенка его именем. Она отказалась, заявив: "Этого я не сделаю, потому что когда-нибудь ты разозлишься и скажешь: "Посмотрите на этого маленького ублюдка!" Потом Фредди обратился к Мими и стал упрашивать ее взять ребенка. Мими с презрением отвергла предложение.

Девочку, родившуюся 19 июня 1945 года, Джулия назвала Викторией, что вполне гармонировало с победоносным завершением войны в Европе, а также с патристическим вторым именем, которое она дала Джону — Уинстон. "Я хорошо ее помню, — вспоминала сестра Джулии, Энн Кадзулладер. — Это была красивая девочка, но мы так и не узнали, кто отец... Однажды пришел начальник из Армии спасения и забрал девочку. Больше ее мы не видели." Когда Фредди обратился в Армию спасения с просьбой сообщить ему о судьбе ребенка, ему сказали, что правила запрещают им предоставлять информацию о приемном ребенке как настоящим, так и приемным родителям. Самый большой секрет, который смог открыть заведующая — то, что девочку удочерила семья норвежского морского капитана. Вероятно, единоутробная сестра Джона Леннона выросла в Норвегии, но все попытки разыскать ее оказались неудачными.

Забывшись от Виктории, Джулия потребовала от Фредди вернуть Джона из дома Сиднея. Сидней бурно протестовал, ссылаясь на множество причин, по которым Фредди не может надолго примириться с женой, и опасностей для ребенка в случае дальнейшего ссор и размолвок. Ни одно из этих возражений на Фредди не подействовало. Он все еще был убежден, что в состоянии отремонтировать здание своей семейной жизни, воспользовавшись Джоном как строительным раствором.

Сидней оказался настоящим пророком. Едва Джон возвратился в дом своей матери, как в ее жизни возникли новые осложнения, приведшие к новой беде. Джон Дайкинс, порвак к тому времени с Энн Стаут, принялся ухаживать за Джулией. Он сулил ей совсем не такую жизнь, какую она вела с Фредди. Дайкинс хорошо зарабатывал и любил красиво пожить. Он был весьма привлекателен и имел опыт в обращении с женщинами. Вскоре он стал часто бывать в доме на Ньюкасл-роуд, где снискал расположение Пола Стэнли, который вновь переехал к Джулии.

Этому новому порядку вещей мешало одно-единственное обстоятельство: присутствие в доме незнакомца мужчины чрезвычайно огорчало Джона Леннона. Его гнев и возмущение выливались во враждебные действия, особенно в отношении более слабых детей. Днем, например, Долли Хиллшоу имела обыкновение приглашать Джона выпить чаю с тремя ее маленькими детьми, Полин, Элен и Кэррол, соответственно пяти, трех с половиной и двух с половиной лет. В ходе этих чаепитий пятилетний Джон зачастую набрасывался на одну из девочек и заставлял ее вылезать от страха. Поскольку Джулия Джона никогда не называла, пороть мальчика приходилось Долли.

Дела пошли еще хуже, когда в ноябре 1945 года Полин и Джон стали ходить в детский сад расположенного поблизости дошкольного учреждения "Мосспитс". В ожидании, когда девочка выйдет из дома, Джон прятался в засаде. Потом он выскакивал из своего укрытия и набрасывался на нее. Полин стала так бояться этих засад, что отказывалась выходить из дома. И вновь Долли вынуждена была наказывать Джона. В конце концов она пришла к выводу, что он "неисправим... абсолютно неисправим." К такому же заключению пришли в детском саду "Мосспитс", откуда Джона Леннона выгнали за плохое поведение в апреле 1946 года, когда ему было пять с половиной лет.

Исключение Джона из детского сада было тесно связано с очередной серией весьма приключенческих домашних инцидентов. 26 марта 1946 года Фредди Леннон прямоком с корабля "Доминион Монах" явился на Ньюкасл-роуд, где его поджидали Джулия, Джон Дайкинс и Поп Стэнли, который сообщил зятю, что надпись на арендной книге (гроссбухе, где домовладелец ставит свою подпись по получении

арендной платы) вновь изменена с "Альфред Леннон" на "Джордж Стэнли". Когда по этому поводу возникла ссора, встал Дайкинс и обвинил Фредди в том, что он бьет Джулию — намерк на случай с горячим чаем. "Я даже не знаю, кто ты такой!" — воскликнул оскорбленный Фредди. В следующее мгновение мужчины перешли к рукопашной, и разгневанный стюард вышвырнул из дома элегантного официанта. Пока бушевала ссора, Джон сполз сверху по лестнице. Он стал

свидетелем того, как его отец музтит маминго любовника — сцена, которую ему так и не дано было забыть.

Тогда Джулия взяла дело в свои руки. Сообщив Фредди, что он уходит к Дайкинсу, она принялась с помощью Долли перетаскивать мебель в соседний дом. Фредди, не зная, что предпринять, бросился в дом своей матери на Колперфилд-стрит, 57, с криком: "Мама! Джулия от меня уходит!"

Мама Полли сурово ответила: "Ступай туда и оставайся в доме, пока она не уйдет, даже если придется сидеть на единственном стуле."

Вот бедняга Фредди и пришлось стать свидетелем того, как жена упаковывает вещи и уходит, и даже помогать перетаскивать тяжести. Помя слова матери, он, наконец, сказал: "Ты что, хочешь оставить мне единственный стул?" Джулия прерывисто указала на старый сломанный стул и сообщила, что он передается Фредди в полную собственность.

Потратив почти весь апрель на безуспешные попытки вновь наладить свою семейную жизнь, Фредди уехал в Саутхэмптон и устроился ночным стюардом на "Куин Мэри". Едва он вышел за дверь, как Джулия вновь перенесла всю мебель в дом. Ее переезд был хитрым способом убедить Фредди, что их семейная жизнь подошла к концу. Неудивительно, что маленький Джон так плохо вел себя в детском саду и был исключен. В прошлом, когда бывал очень расстроен, он порой убежал из дома, добирался до дома Мими на трамвае, который узнавал по черным кожаным сиденьям — а порой, когда садился не на тот трамвай, оказывался в незнакомом глуши. [Запах этих кожаных сидений преследовал его всю жизнь.] И вот он вновь убежал.

Когда Мими открыла дверь и увидела поногого Джона, она окончательно разгневалась на Джулию. "Все, что она сумела — это родить тебе!" — воскликнула Мими. Эта строка спустя много лет злом отозвалась в "Маме".

Узнав, как обстоят дела на Ньюкасл-роуд, Мими тотчас же заказала срочный разговор с "Куин Мэри", которая уже готовилась к отплытию. Мими велела Фредди немедленно ехать домой, потому что Джон убежал. После чего она передала трубку Джону. Он сказал, что не любит нового папу и хочет, чтобы Фредди вернулся домой. Фредди пообещал, что вернется, как только сможет сойти на берег.

Верный своему слову, Фредди две недели спустя появился у Мими, пожертвовав самой выгодной должностью в своей карьере. Мими сообщила, что записала Джона в начальную школу "Давейл" в Пенни-лейн. Кроме того, она заявила, что накупила малышку кучу новой одежды, и предъявила Фредди счет. Наутро, когда Фредди сидел с сыном, он попросил показать обновок. Джон ответил, что никаких обновок не получал.

Фредди, уже убедившись, что Мими действует из корыстных побуждений, спросил Джона, не хочет ли тот съездить отдохнуть в Блэкпул, знаменитый курорт на побережье к северу от Ливерпуля. Эта идея вызвала у Джона трепет восторга. Мими не могла не разрешить Фредди провести отпуск с сыном. Поэтому Фредди забрал Джона и отбыл с намерением никогда больше не возвращаться!

Полтора месяца Джон прожил в Блэкпуле, пребывая в детском мире восторга. Он видел, как туристы, совершающие однодневные вылазки, с носовыми платками, узелками завязанными на голове, в брюках, зашитых до колен, вышагивали по песку, точно ботлотные птицы. Разумеется, он катался на ослике и стоял на вершине возвышающейся над курортом железной башни, вглядываясь сверху в сумерки, окутывающие опслепительно яркую "Золотую милю". Наконец-то оказавшись наедине с папой, по которому столь сильно скучал, Джон Леннон испытал все те удовольствия, что доступны каждому мальчишке, имеющего отца. К тому же он впервые в жизни почувствовал приятный аромат мира мужчин.

Фредди остановился у старого товарища по плаванию, который намеревался эмигрировать в Новую Зеландию. Поддавшись внезапному порыву, Фредди решил связать с этим человеком свою судьбу. Эмиграция позволила бы им всем начать новую жизнь, чего после войны жаждал каждый. Для Джона новость была просто чудесная, ведь он всегда мечтал выйти вместе с папой в море на большом белом корабле.

Вскоре мечта маленького Джона обернулась кошмаром. Неожиданно появилась Джулия с Бобом Дайкинсом. Она сказала Фредди, что уже переехала к новому мужчине и хочет забрать Джона. Фредди объяснил, что они готовы эмигрировать в Новую Зеландию. Он предложил Джулии поехать вместе. Джулия затеяла драку. Наконец Фредди сказал, что мальчик должен решать сам. "Я крикнул Джона, — вспоминал Фредди. — Он прыбнул, прыгнул мне на колени и спросил, правда ли, что мама возвращается. Он этого явно хотел. Я сказал, что это не так, и ему надо решить, остаться со мной или уезжать с ней. Он выбрал меня. Джулия спросила еще раз, но Джон опять выбрал меня. Джулия вышла и уже хотела направиться прочь по улице, когда Джон бросился бежать вслед за ней. Больше я его не видел и не слышал о нем до тех пор, пока он не стал "Битлом".

Малыш Джон встал "маму", но взамен получил тумака. Вернувшись домой, Джулия тотчас передала сына в руки сестры, которая стала его приемной матерью. Этого последнего предательства хватало, чтобы раз и навсегда убедить Джона в том, что мать его не любит. К тому же он и вправду считал, что никто его не любит, поскольку он никому не нужен.

Фредди Леннон, который все же любил Джона, к тому времени бесследно исчез. Охваченный унынием из-за утраты жены, которую он будет любить еще двадцать лет, Фредди посвятил себя морю. Так Джон Леннон лишился и мамы и матери, и отца.

К тому времени, как маленький Джон поспел в доме своей тетки Мими, он перенес такую эмоциональную травму, которая могла искалечить и куда более зрелую душу. Его игнорировали, уводили из дома, сбывали с рук на руки и наконец заставили сделать невозможный выбор: либо отказаться от матери, чтобы сохранить отца, либо бросить отца, чтобы остаться с матерью, которой он, как выяснилось, вовсе не нужен. Неудивительно, что после такого сокрушительного артобстрела у Джона обнаружилась та защитная амнезия, что бывает у контуженных солдат.

"Отца я вскоре забыл, — вспоминал он. — Как будто он умер. Но с матерью я все же изредка виделся, и мои чувства к ней так и не угасли. Я часто думал о ней, хотя никогда не отдавал себе отчета в том, что она живет всего в пяти или десяти [на самом деле в трех] милях от меня. Мими никогда мне об этом не говорила. Она сказала, что мама далеко-далеко."

Джулия действительно иногда появлялась в Мендиспе, однако ее визиты вызваны не заботой о сыне. Их причина таилась в опасной ее собственной бурной жизни. Один такой случай Джон запомнил отчетливо: "Мама пришла к нам в черном пальто, с окровавленным лицом. С ней произошел какой-то несчастный случай. Я не мог на это смотреть. Я подумал: "Там, в комнате, моя мама, вся в крови." Я вышел в сад. Я любил ее, но ввязываться не хотел. Наверное, я был моральным трупом. Мне не хотелось проявлять чувства." "Несчастным случаем" было, несомненно, побои, нанесенные Бобби Дайкинсом, человеком во много раз сильнее буйным. Джулия пришла к Мими за поддержкой. Ее встретил взрыв добродетельного негодования, от которого ее как ветром сдуло из дома. В тот день там присутствовала Лейла Харви, старшая двоюродная сестра Джона. Ей запомнилось, с каким смущением она наблюдала, как Мими на глазах у Джона гневно обличает Джулию громомолдовым голосом небесного судии: "Этому малышу ты в матери не годишься!"

(Продолжение в следующем номере)